

СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

ИСТОРИЗАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ МАРКСИЗМЕ

Дмитрий Юрьевич Карасев (dk89@mail.ru)

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Москва, Россия

Цитирование: *Карасев Д.Ю.* (2018) Историзация капитализма в политическом марксизме. Журнал социологии и социальной антропологии, 21(5): 122–140.
<https://doi.org/1031119/jssa.2018.21.5.7>

Аннотация. Внеисторический подход современной социологии к капитализму лишает возможности всерьез поставить вопрос о его будущем. Одним из источников этой проблемы выступает позаимствованный из экономики тезис о коммерциализации, следуя которому доказательства в пользу существования некоего «протокапитализма» (товарный обмен, рынок, деньги и иногда наемный труд) можно найти еще в античном мире. В результате имеем отрицание специфики, новизны, эмерджентности капитализма, возникшего в Новое время в Европе. Применительно к рассуждениям о будущем капитализма это оборачивается отрицанием исторической детерминированности возникновения и существования капитализма: даже если исторические условия, породившие его, ушли в прошлое, капитализм будет всегда — в форме «информационализма», «посткапитализма», «империализма», «глобализма» или иных «-измов».

Решению этой проблемы служит историзация капитализма, обращение к дискуссии о переходе от феодализма к капитализму, незаслуженно забытой в отечественной социологии. Тем более что финальная точка в этой дискуссии так и не была поставлена. Первые этапы этой дискуссии, развернувшейся в 1950–1960-е годы и связанные с именами М. Добба, П. Суизи, Х. Такахаши, Ж. Лефевра, Р. Хилтона, К. Хилла, Х. Тревор-Ропера и других, получили разработку в советской историографии, чего нельзя сказать о последующих этапах, связанных в том числе с именами таких политических марксистов, как Р. Бреннер и Э. Мейксинс-Вуд. Их вклад в дискуссию может быть резюмирован в виде нескольких тезисов: во-первых, возникновение капитализма в Англии XVII в. было исключением, а не правилом; во-вторых, возникнув в одной стране, он мог лишь распространиться, а не независимо возникнуть в другой; в-третьих, условием перехода к капитализму был определенный исход классового конфликта, установившего такую систему отношений собственности, которая делала внеэкономическое извлечение излишек невозможным и как следствие вынуждала к инвестициям в повышение производительности; в-четвертых, промышленному капитализму предшествовал аграрный капитализм; в-пятых, необходимым условием перехода к капитализму было превращение рынка из возможности в императив.

Ключевые слова: историческая социология, капитализм, феодализм, транзитология, политический марксизм, Роберт Бреннер, Эллен Мейксинс Вуд.

Почему перевод книги Т. Пикетти «Капитал в XXI веке» (Пикетти 2015), вышедший на русском языке в 2015 г., привлек к себе гораздо больше внимания в том числе в академической среде, чем перевод сборника «Есть ли будущее у капитализма?» (Есть ли будущее у капитализма? 2016), так что сборник по сравнению с ним прошел как будто бы незамеченным?

На этот вопрос можно дать несколько ответов. Во-первых, заголовок книги Пикетти очень напоминал «Капитал» Маркса. Это, без сомнения, было удачным маркетинговым ходом, поскольку явным или «вытесненным» (во фрейдистском смысле) желанием был именно «Маркс XXI века». Тем более что понаслышке многие знали, что книга о неравенстве, как будто бы подрывающем современный капитализм. Во-вторых, что так же громко преподносилось, книга Пикетти носила количественный социально-исторический характер, в отличие от теоретико-социологического и дискуссионного характера сборника, хотя участниками дискуссии были маститые исторические социологи, знакомые и с цифрами, и с историей не хуже их молодого французского коллеги. (В терминах теории аргументации это, по всей видимости, означает, что в информационном/цифровом обществе к цифрам, даже если они очень спекулятивны, доверия гораздо больше, чем к теориям, пусть даже выведенным на основе этих же цифр.) В-третьих, взгляды на капитализм хедлайнеров сборника как будто были уже известны отечественному читателю из ранее переведенных работ, а взглядами их менее именитых коллег по историко-социологическому цеху никто особенно не интересовался. Совсем другое дело молодой, гремящий на весь мир с некой новой идеей Пикетти. Даже объем его «Капитала» в два-три раза превосходящий объем сборника, не пугал. (Если, конечно, «Капитал в XXI веке» вообще собирались читать, учитывая, что каждый из живущих в XXI в., и так считает себя экспертом по новому капитализму, раз уж живет и выживает в его время.) Возможен еще целый ряд подобных «слабых» ответов на обозначенный выше на первый взгляд нехитрый вопрос.

Более «сильный» ответ заключается во внеисторическом взгляде на капитализм, широко распространенном как в общественном, так и в научном сознании. *Внеисторизм лишает возможности всерьез поставить вопрос о будущем капитализма, выключает социологическое воображение.* В терминах заголовков сборников это означает, что относительно «будущего капитализму» ни у кого нет никаких сомнений, равным счетом как и относительно того, что это будущее не будет безоблачным (еще бы, ведь

оно уже такое). Так не лучше ли обратиться к тому, кто утверждает, что знает, каким именно будет это нелегкое будущее, чтобы, как сетует известная пословица о непредвиденном падении, знать, где соломки подложить? Капиталистическое будущее мыслится закрытым, оно не обсуждается.

Пост- и неомарксисты станут убеждать, что это не что иное, как работа идеологии, рассказывать о TINA (There is no alternative) и том, как это работает. Взгляд исторического социолога другой. Дело даже не в том, что распад Советского Союза делегитимировал марксизм в качестве теории необходимого конца капитализма (хотя и не без этого). Более глубокая проблема заключается в том, что капитализм в настоящее время воспринимается как нечто естественное, существующее без начала и конца, безотносительно к социально-историческим условиям, вызвавшим его к жизни, способное с легкостью пережить их исчезновение. Очевидно, что подобная трактовка возможна только в случае, если лишить «капитализм» всякого конкретного содержания. Так как же «капитализм» стал «понятием-зомби»?

* * *

Как убедительно показывают политические марксисты, это произошло не без помощи экономической науки (в особенности концепции коммерциализации), которая поспособствовала выхолащиванию историзма капитализма из экономических историй перехода от феодализма к капитализму. Затем были забыты и сами дискуссии об указанном переходе, а вместе с ними и всякая эмерджентность капитализма, возникшего в Новое время в Европе. Логика следующая: раз обмен существовал всегда, значит то же самое верно и для «протокапитализма» (что бы ни возражал Поланьи), и, следовательно, маловероятно, что с «посткапитализмом» что-то случится.

Опасные последствия внеисторизма для понимания капитализма вообще, его современной разновидности и его будущего были коротко показаны выше. Решению проблемы внеисторизма служит историзация исследований капитализма. Последняя предполагает возвращение капитализму его конкретного пространственно-временного содержания, его историчности путем демонстрации всей сложности социально-исторической детерминированности его возникновения и существования, демонстрации эмерджентности капитализма, возникшего в Новое время в Европе по сравнению с другими историческими разновидностями коммерциализации, демонстрации того, что возникновение капитализма было скорее счастливой исторической случайностью, исключением из

правила не возникновения капитализма, а не правилом, универсальной исторической стадией, на которой мир по тем или иным причинам застрял. Как очевидно такое прочтение капитализма требует отказа от ряда постулатов ортодоксального исторического материализма. Ниже в статье показано как с этими взаимосвязанными задачами (историзацией капитализма и ревизией исторического материализма) справляется политический марксизм.

Родоначальником политического марксизма в узком смысле, применительно к транзитологической дискуссии, принято считать Роберта Бреннера и Эллен Мейксинс Вуд. (Ниже речь пойдет именно о них.) В широком смысле о политическом марксизме можно говорить как об отдельной научно-исследовательской программе в рамках марксизма, подчеркивающей автономную роль классовой борьбы в качестве переключателя макроисторических траекторий развития стран и регионов. То есть для политического марксизма вклад исходов классовых конфликтов в определение траектории исторического развития не менее важен, чем вклад технологических трансформаций, происходящих в экономическом базисе. Причем если последние носят скорее закономерный характер, то первые — скорее случайный. В классическом марксизме, напротив, классовая борьба предстает не более чем выражением переворота в политической надстройке, после того как трансформации в материальном базисе уже завершены. То есть фактически она ничего не определяет, а только устраняет отжившие классы, хотя и не всегда с первого раза, как доказывает «Восемнадцатое Брюмера». В таком случае истоки политического марксизма правильнее возводить к Б. Муру и даже не к В.И. Ленину. Такой подход к историческому марксизму с необходимостью ставит вопрос об отнесении к нему и П. Андерсона и подобных ему государствоцентричных марксистов, вопреки всем его дискуссиям с Бреннером и Мейксинс Вуд вокруг проблем перехода от феодализма к капитализму.

В транзитологической дискуссии в целом принято выделять несколько этапов. Первый этап развернулся в 1950–1960-е годы, второй — во второй половине 1970-х. На первом этапе доминировали экономические историки марксистской ориентации (экономические детерминисты марксистского толка), отвергающие модель коммерциализации. На втором этапе место модели коммерциализации заняла рикардо-мальтузианская ортодоксия, которой был брошен вызов от лица менее детерминистского политического марксизма. Первый этап дискуссии, связанный с именами М. Добба, П. Суизи и др. (Dobb 1946; Sweezy et al. 1954), получил разработку в советской историографии (см. например: Бессмертный 1955; Звавич 1947; Косминский 1955; 1963), чего нельзя сказать о втором этапе,

связанном с именами М. Постана и Э. Ле Руа Ладюри и др. (Postan 1966; Le Roy Ladurie 1966; Aston, Philpin et al. 1987), с одной стороны, и Р. Бреннера и Э. Мейксинс Вуд (Brenner 1976; 1977; 1982; Meiksins Wood 1996; 2002) — с другой. Коротко проанализируем первый этап дискуссии, чтобы понять почву, на которой и в связи с которой вырос политический марксизм в узком смысле.

* * *

Первый этап развернулся вокруг тезиса М. Добба о том, что долгий упадок феодализма XIV–XVII вв. был вызван внутренними причинами — ростом эксплуатации, снижающим производительность, и внеэкономическим потреблением излишков. Принудительный труд, «будь то в форме барщины или оброка в натуральном или денежном выражении» (Dobb 1946: 35), приводил к истощению рабочей силы, гибели крестьян или бегству в город и превращению их в мелкотоварных производителей (йоменов, кустарей, ремесленников), из числа которых произошли будущие «капиталисты», опрокинувшие в ходе буржуазных революций (1640 г. в Англии и 1798 г. во Франции) крупных торговцев и ростовщиков (так называемую «высшую буржуазию»), сотрудничавших с землевладельцами и абсолютизмом, охранявшими их привилегии.

Критика Суизи строилась вокруг того, что Добб не приводит источника развития феодализма, в то время как он был динамичной системой. Таким источником, по мнению Суизи, была силовая борьба землевладельцев, для которой не хватало ресурсов в условиях противоречия фиксированной структуры поместья и одновременно растущего населения. Упадок феодализма был вызван внешними по отношению к нему причинами, такими как коммерциализация, урбанизация, торговля на большие расстояния. Будущими капиталистами стали феодалы, вынужденные переделывать свои аграрные маноры («производство для потребления») для целей производства на продажу сырья городам. Потребовались более гибкие и относительно прогрессивные формы эксплуатации. В итоге причиной упадка европейского феодализма стала не чрезмерная эксплуатация, а, наоборот, неспособность правящего класса поддерживать контроль и эксплуатировать рабочую силу общества по-старому. Суизи также постулировал существование между XIV (упадком феодализма) и XVI (началом капитализма) веками огромного промежуточного периода — «докапиталистического товарного производства», не являющегося ни капитализмом, ни феодализмом, тогда как Добб настаивал, что это все еще был феодализм.

Остальные участники первого этапа дискуссии выразили поддержку Добба и критику Суизи. Обобщенная критика заключалась в том, что,

если феодализм был так динамичен, как он утверждается, и имела место промежуточная форма, не ясно, почему ему не удалось справиться с внешним вызовом коммерциализации без всякого капитализма. Как остроумно позднее заметил Р. Бреннер, «...одним словом, описание перехода от феодализма к капитализму, которое предлагает Суизи, основано на имплицитном предположении, что капитализм уже существует» (Brenner 1977: 48). Впоследствии Э. Мейксинс Вуд (Meiksins Wood 2002: 11–49) показала, что эта критика применима ко всем теоретикам, так или иначе обращающимся к тезису о коммерциализации, включая марксистов.

Иными словами, обсуждалась исключительно Западная Европа, зачастую Англия (в силу наличия исторических сведений), но при этом делались выводы о том, что единообразный, хотя и не синхронный переход к капитализму был универсальным правилом (законом) для всего мира. Политические марксисты, напротив, доказывали, что переход к капитализму был исключением из общего правила «невозникновения капитализма», счастливой английской случайностью, в которой ключевую роль сыграли различные исходы классовых конфликтов вокруг в общем-то универсальных вопросов.

Своего рода исключением на первом этапе дискуссии был Такахаши, который, во-первых, в качестве критерия перехода к капитализму указывал на отрыв производителей от средств производства (крестьян от земли), придававший их труду товарную форму. Во-вторых, он вместе с Э. Хобсбаумом отстаивал необходимость обращения к неевропейским кейсам, и, в-третьих, как следствие пришел к заключению о множественности путей перехода к капитализму (Такахаши 1952). Подходы Добба и Суизи были представлены им не как теоретическая, а как реальная историческая развилка, как два разных пути к капитализму в зависимости от того, отрывали ли коммутация ренты и рост мелкотоварного производства крестьян от земли или феодальная реакция и абсолютизм препятствовали этому. »). В таком случае выходило, что первый мелкотоварный западноевропейский и особенно Английский путь соответствует подходу Добба; второй, Прусский или Восточный путь, в рамках которого возвышение ростовщического (а не мелкотоварного) капитализма с самого начала шло под контролем и пагронажем феодального абсолютистского государства к капитализму, — подходу Суизи. Против гипотезы о множественности путей к капитализму, хотя и с разных позиций, выступили П. Андерсон (2010) и И. Валлерстайн (1976). Их тезис по сути был диффузионистским: когда в Западной Европе капитализм уже возник, другим не оставалось выбора, кроме как приспособливаться. Отличие позиции политических марксистов заключалось в том, что они доказыва-

ли, что родиной капитализма была не Западная Европа в целом, а именно Англия. А приводным ремнем, благодаря которому он распространился по всей Европе, а затем и по всему миру были торговля, война и империализм.

* * *

Второй этап дискуссии был открыт статьями Р. Бреннера конца 1970-х годов, в которых он выступил с критикой неомальтузианской модели М. Поста́на и Э. Ле Руа Ладюри и модели коммерциализации («неосмитианского марксизма» П. Суизи и И. Валлерстайна). В теоретико-методологическом плане важно понимать, что Бреннер обратился к типичному для диамата приему (который часто не замечают за обилием исторического материала, приводимого Бреннером в качестве аргументов): применительно к последовательности исторических кейсов использовались сразу обе указанных модели, в одних случаях одна критикуемая модель ослаблялась за счет другой, в других — наоборот. Результатом был вывод о необходимости синтеза двух моделей на основе третьей, в случае Бреннера речь идет о недетерминистической модели исходов, предшествующих раундов классового конфликта (своего рода классовый «эффект колеи», где колея прокладывается тем или иным исходом классового конфликта). Это и был политический марксизм.

М. Поста́на и Э. Ле Руа Ладюри изображали феодализм гомеостатической системой с внутренним механизмом мальтузианской самокоррекции. Если внутренний источник роста производительности сельского хозяйства отсутствует, то предложение земли становится естественным барьером на пути роста населения. Из этой перспективы история Средних веков описывалась как циклическая, где в основе каждого цикла лежала нехитрая двухфазовая модель: на первом этапе рост населения повышал спрос на дефицитную землю, следствием чего в условиях избыточного предложения труда были рост ренты или закабаление, в результате сокращение реальных доходов крестьян и голод запускали второй этап, обозначенный сокращением населения. Теперь в дефиците был труд, а не земля — ситуация, обратная первому этапу. В результате сокращения повинностей и роста реальных доходов крестьян население снова начинало расти до тех пор, пока весь цикл не повторялся вновь.

При помощи этой модели М. Поста́н объяснил метаморфозы английского феодализма в XII–XIII вв., в условиях роста населения, и в XIV–XV вв., в условиях его сокращения. Модель коммерциализации была попросту им отброшена как ничего не объясняющая, ее эффект мог быть амбивалентным. Поста́н доказал, что воздействие коммерциализации на феодальные повинности могло быть амбивалентным. Конец английскому

крепостничеству положила «черная смерть», слишком резко и быстро нарушившая равновесие между предложением труда и земли. На примере крестьян Лангедока Э. Ле Руа Ладюри показал, что демографический рост «долгого XVI в.» во Франции привел к тем же результатам, что и в Англии в XII–XIII вв., — к демографической катастрофе XVII в. Тем самым Ле Руа Ладюри доказал, что коммерциализация сама по себе не ведет к капитализму, поскольку обдираемые до нитки мелкие крестьянские собственники не могли инвестировать в повышение производительности, даже если бы хотели.

Критический аргумент Бреннера постулировал, что демографические тренды и коммерциализация определяли направление феодальной динамики и обуславливали переход к капитализму только в сочетании с исторически сложившимся балансом классовых сил. Класс определяется Бреннером в аспекте отношений собственности на средства производства (землю) и отношений извлечения излишек (принуждение). Постулировались устойчивость классовых структур к воздействию экономических сил, а также обратное направление связей в долгосрочном периоде (исходы классовой борьбы предопределяют направление развитие экономического базиса, а не развитие экономического базиса — исходы классовой борьбы).

Критика Бреннера была выстроена вокруг синхронического сравнения различных регионов со сходной демографической динамикой, которые, вопреки предсказаниям неомальтузианской модели, не демонстрировали сходств в динамике феодальных повинностей. Например, Англия и Парижский регион Франции (Иль-де-Франс) в XIII в.: рост населения в первом случае вел к росту повинностей, а во втором — нет. Или обратный пример: после «черной смерти» в условиях демографического спада в Восточной Пруссии, в отличие от Западной Пруссии и Европы, возникло так называемое «второе издание крепостничества».

Как доказывает Бреннер, все приведенные им различия между регионами Европы были следствием различных исходов двух раундов классовых конфликтов между крестьянами и землевладельцами. Упрощая, можно сказать, что предметом первого раунда конфликтов была личная свобода, а предметом второго — земля. Восточноевропейские крестьяне потерпели поражение в обоих раундах (причиной была слабость крестьянской общины на момент столкновений). Английским и французским крестьянам удалось отбить натиск феодальной реакции после «черной смерти» и добиться личной свободу. А вот во втором раунде борьбы за освободившуюся после «Черной смерти» землю победы удалось добиться лишь французским крестьянам, поддерживаемым возникшим там абсолютизмом (для которого они были автономным источником доходов). Это была роковая победа,

закрепившая мелкую собственность, блокирующую возможности инвестиций в производительность. В Англии, напротив, во втором раунде победили землевладельцы, консолидировавшие землю, а у свободных безземельных крестьян не осталось иного пути, кроме как стать наемными рабочими. В результате лишь в Англии возникло уникальное самоподдерживающееся капиталистическое сельское хозяйство, ставшее условием промышленной революции благодаря снижению цен на продукты питания, высвобождению лишнего труда для промышленности и формированию массового внутреннего рынка для промышленных товаров.

Это стало возможно только благодаря тому, что сложился рынок факторов производства — земли и труда. Организаторы производства и непосредственные производители оказались отрезаны от нерыночного доступа к средствам воспроизводства и существования. Чтобы быть конкурентоспособными, у них не было других вариантов, кроме как специализироваться, накапливать и вводить инновации. Такие условия сложились только в Англии, тогда как в других частях Европы остались либо крестьянская собственность (Франция), либо внеэкономическое принуждение (Пруссия).

Последовавшая за выходом статей Бреннера дискуссия на страницах журнала «Past & Present» и объединенная в сборник 1987 г. «The Brenner Debate», интересна в меньшей степени, поскольку касается отдельных региональных кейсов средневековой истории Европы. Чтобы защититься от ответной критики, Бреннер снова и снова подробно разъяснял свой аргумент, встраивая в него на первый взгляд неудобные кейсы. Основная теоретическая критика, исходящая от коллег Бреннера историков-марксистов, заключалась в том, что он смешивает экономические и политические факторы анализа (что в терминах марксисткой теории классового конфликта означало бы отождествление узкой политической верхушки и всего господствующего класса). В ответ Бреннер указал на то, что к идее отказа от сведения всей феодальной динамики к действию «объективных» экономических сил и обращению к более «субъективным» классам и классовому конфликту не в качестве *ad hoc* гипотезы, а в качестве основной детерминанты, его подтолкнула именно природа феодализма, которая по сути и представляла собой смешение политики и экономики. Причем именно это смешение, выражавшееся в возможности внеэкономического извлечения излишек, и было источником ограничения роста производительности. Возникшему в Англии сначала аграрному, а затем и промышленному капитализму, по мнению Бреннера, посчастливилось очиститься от этой мешанины экономического и внеэкономического, и через это стать эффективным, а не репрессивным. Но надолго ли?

Уже после того как дискуссии, представленные в сборнике «The Brenner Debate», стихли, в теоретическом конструкте Бреннера было обнаружено уязвимое место в связи с его концепцией «аграрного капитализма» (Albrittion 1993; Zmolek 2000). Им стал вопрос о том, была ли английская урбанизация следствием пролетаризации крестьян или, напротив, следствием роста рыночных возможностей в городе (т.е. коммерциализации). Сомнений в том, не перешел ли и сам Бреннер в лагерь защитников тезиса о коммерциализации, добавила его книга 1993 г. «Купцы и революция». Именно с такой критикой выступил П. Андерсон (1993). На сторону Бреннера встала Э. Мейксинс Вуд (1996), утверждая, что критики неверно истолковали задумку Бреннера. Идея заключалась не в преувеличении роли торговцев, а в недетерминистическом переопределении этой роли, то есть как участников классового конфликта, а не как экономического актора. Классический марксизм, напротив, подвергался обвинению в том, что рыночный детерминизм Маркса слишком сближает его с тезисом о коммерциализации, как если бы буржуазное общество уже существовало в городах до буржуазной революции. Последнее как нельзя лучше объяснено в работах Мейксинс Вуд и выражено тезисом о том, что революция может быть «буржуазной, но не капиталистической», как во Франции, а может быть «капиталистической, но не буржуазной», как в Англии.

* * *

Специфика подхода Мейксинс Вуд в транзитологической дискуссии заключается в том, что она вынуждена вернуться к критике концепции коммерциализации, которая, казалось бы, была отброшена еще до Бреннера, но парадоксальным образом возродилась в том числе в работах исторических социологов марксистского толка. Чтобы защитить жесткое аграрно-капиталистическое и классовое ядро концепции Бреннера, она использовала критикуемую ей концепцию коммерциализации, а также марксистские подходы, сближающиеся с ней, для выстраивания «защитного пояса». Иными словами, ее тезис в том, что, хотя коммерциализация сама по себе не объясняет возникновения капитализма в Англии, объяснить, почему первой была именно Англия, а также как капитализм распространился отсюда, без обращения к этой концепции невозможно.

В терминах классического марксизма речь идет об известной диалектической формулировке из первого тома «Капитала» о том, что «капитал не может возникнуть из обращения и так же не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении». Упрощая, позиция Мейксинс Вуд следующая: капитализма в отдельно взятой стране, окруженного феодализмом, не существует,

существует лишь глобальный капитализм (т.е. капитализм стал капитализмом, лишь распространившись из Англии), но при этом, вопреки заявлениям теоретиков глобализма (глобального капитализма), он не разрушает, а укрепляет национальные государства. Такая позиция приводит ее (Мейксинс Вуд 2008) к дискуссии с Д. Харви вокруг его концепции «территориальной» и «капиталистической» логики империализма, в которую также включаются и остальные (Бреннер 2008; Андерсон 2018; Арриги 2005).

Большинство объяснений происхождения капитализма, в том числе марксистские, покоятся на допущении, что «протокапитализм» существовал всегда и для возникновения современного капитализма ему необходимо было лишь освободиться от его внеэкономических (политических и религиозных) оков, а дальше считающееся естественным стремление людей к максимизации прибыли сделает все само. Двумя тесно связанными с этим были допущения о том, что технологическое развитие также является естественным историческим процессом и что рациональное преследование своекорыстных интересов способствует всеобщему благу и прогрессу. Проблема, как показывает Мейксинс Вуд, в том, что концепция коммерциализации смешивает представление о рынке как возможности и рынке как императиве. Своекорыстное преследование интересов идет на пользу техническому прогрессу и общественному благу только в последнем случае (императив для всех), в первом же рынок (в качестве возможности для немногих) сосуществует с принуждением и к капитализму не ведет (ведет в сторону от капитализма).

История знает множество примеров куда более коммерциализированных, урбанизированных и интегрированных в глобальную торговую сеть обществ, чем была Англия накануне возникновения капитализма. Например, города-государства Северной Италии или Голландия. Однако там, как показывает Мейксинс Вуд, все эти ингредиенты не только не способствовали, но и препятствовали возникновению капитализма. Там преобладало ростовщичество, или некапиталистическая торговля. Если в основе капиталистической торговли лежало снижение издержек производства, повышение производительности труда, то в основе ростовщичества — отсутствие рыночной интеграции, которое позволяло делать деньги на региональной специализации, транспортировке и спекуляции. Ростовщичество препятствовало повышению производительности труда.

Сопутствующим транзитологическим заблуждением является представление о том, что города были с самого начала капиталистическими, в то время как они были всего лишь коммерческими. В Европе было много крупных торговых городов, но капитализм возник только в Англии,

следовательно, город — нерелевантный фактор. В континентальной Европе, как правило, росло сразу несколько важных городских центров, а в Англии рос только Лондон, отражая интеграцию национального (внутреннего, а не внешнего) рынка. Если голландские города пополнялись разбогатевшими торговцами, то Лондон — обезземелевшими бедняками. Капитализм возник только тогда, когда рынок захватил производство самого необходимого — продуктов питания, превратившись в императив. Драйвером первого в истории потребительского общества в Англии было потребление бедных потребителей, а не потребление роскоши. Это заставляло производить дешевле. «Это была первая система, в которой ограничения рынка способствовали развитию производственных сил, а не сдерживали их» (Meiksin Wood 2002: 81).

Голландия с ее импортом балтийского зерна, напротив, представляла пример коммерциализации, не ведущей к капитализму. Основой, двигателем голландской экономики была торговля предметами роскоши на дальние расстояния, а потребителями балтийского зерна были горожане, обслуживающие это роскошное потребление. Цены на зерно удерживались низкими при помощи таких внеэкономических факторов, как монопольные привилегии, военно-морское превосходство и т.д. Голландские города не инвестировали прибыль от торговли в развитие производительности сельского хозяйства и/или задавили ее растущей рентой. Когда в ходе кризиса XVII в. цены на зерно взлетели, Голландия рухнула, а Англия отреагировала ростом производительности труда в сельском хозяйстве. Голландия переживала «золотой век» не как капиталистическая экономика, а как последнее и наиболее развитое некапиталистическое рыночное общество.

Для защиты концепции Бреннера от критики Андерсена Мейксинс Вуд также перерабатывает его концепцию абсолютизма. Для этого она «переворачивает» исходную концепцию Такахаши, указывая, что существует не множество путей к капитализму, а множество выходов из феодализма, где лишь один вел к капитализму. Тем самым андерсеновский абсолютизм из промежуточной стадии между феодализмом и капитализмом (аппаратом феодальной реакции) в ее концепции превращается в один из альтернативных некапиталистических путей выхода из феодализма, который потерпел поражение под натиском капитализма. Более того, Мейксинс Вуд распространяет аргумент Андерсона о смещении в раннесовременном абсолютизме политической и экономической власти на все докапиталистические государства или политические режимы (включая античные и феодальные).

Поскольку выходы из феодализма происходили через централизацию парцеллизованных феодальных отношений, то есть образование нацио-

нальных государств, постольку особенности этого процесса не могли не повлиять на то, что капитализм возник лишь в Англии. Во Франции абсолютизму приходилось сосуществовать с остатками парцеллизованного феодального суверенитета в виде аристократии и церкви. Парцеллизованный суверенитет и парцеллизованные рынки там были двумя сторонами одной монеты.

Англия, напротив, во-первых, никогда не была настолько парцеллизованной в силу отсутствия мощных конфликтов между баронами, как на континенте; во-вторых, феодальная централизация там зашла гораздо дальше благодаря «общему праву», а также аграрному капитализму, централизовавшему внутренний рынок. «Государство с действительно суверенной властью над строго определенной территорией не возникало полностью до тех пор, пока капиталистическая собственность не сменила докапиталистические способы извлечения излишков, т.е. пока капиталистическая собственность не заменила суверенитет и фрагментированную экономику, связанную с собственностью, устанавливаемой политически» (Meiksins Wood 2002: 173–174). Таким образом возникновение интегрированного национального рынка в Лондоне было результатом сложного исторического переплетения аграрного капитализма и централизации государства.

Затем, чтобы связать централизацию государств с последующим империализмом, Мейксинс Вуд обращается к роли идеи, а именно к концепции собственности Локка из «Второго трактата о правлении», которая легитимировала захват «пустующих земель» теми, кто может лучше их усовершенствовать (эффективнее обрабатывать). Тезис Локка оправдывал не только огораживание в Англии, но и захват колоний. Чтобы разрушить связь между «империализмом» как «первоначальным накоплением» и возникновением капитализма, Мейксинс Вуд проводит различие между «докапиталистическим» и «капиталистическим империализмом», «переключение» между которыми полностью определялось отношениями собственности в метрополии.

Лидером колониальной экспансии был докапиталистический империализм, использующий колониальный капитал для внеэкономического извлечения прибыли. По сути, докапиталистический империализм представлял собой не более чем географическое расширение отношений внеэкономического извлечения прибыли (неравной торговли как масштабированной разновидности ростовщичества). Первым примером раннекапиталистического империализма были отношения Англии с Ирландией. «В конце XVI в. стратегия Англии в Ирландии подверглась трансформации, напомилавшей переход от феодализма к капитализму» (Meiksins Wood 2002: 153). Захваченную землю раздавали поселенцам, готовым

нести туда систему английского сельского хозяйства. Целью захвата был не грабеж, а затягивание Ирландии в британскую экономическую сферу влияния и превращение ее в экономически зависимую от метрополии. Затем опыт Ирландии трансплантировали в Америку.

Таким образом, в отличие от Англии, где капитализм возник из давления внутренних отношений собственности и классово-борьбы, в Германии и Франции он возник из капиталистического давления извне. Чтобы выстоять в военной, торговой и колониальной борьбе с Британией, ее континентальные соперники были вынуждены ее копировать. Там капитализм возник из капиталистического давления извне, причем государства, испытывавшие это давление, становились эффективными агентами капитализма. Империализм сыграл роль приводного ремня передачи капитализма по системе европейских государств.

После возникновения в одной стране, капитализм уже не мог автономно возникнуть где-нибудь еще, а только распространиться, укрепляя национальные границы и национальные рынки. В этом тезисе Мейксинс Вуд перекликается с Валлерстайном, который считает, что не существует множества национальных капитализмов, а лишь одна капиталистическая мир-система. Однако она делает это путем постулирования того, что существовало множество протонациональных феодализмов, а не один с универсальной логикой. В настоящее время в процессе глобализации капитализм меняет, а не отбрасывает свою национальную форму, поскольку она, как было показано выше, необходима для поддержания условий, благоприятных для накопления, а также для управления глобальной экономикой. Растет противоречие между глобальным охватом капитала и постоянной необходимостью в более локальных и национальных формах внеэкономической поддержки и регулирования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что относительно будущего капитализма Бреннер и Мейксинс Вуд неожиданно расходятся. Бреннер указывает на то, что капитализму вновь угрожает вмешательство внеэкономических способов извлечения излишков и как следствие сокращение темпов роста производительности (несмотря на обилие новых технологий). Таков эффект глобального масштабирования изначально аграрного капитализма. Бреннер полагает, что спад, начавшийся в 1970-е годы, продолжается и по сей день (Бреннер 2014). Мейксинс Вуд, напротив, убеждена, что проблемы создает не масштабирование капитализма, а повышение значимости национального государства при ослаблении партиципаторной демократии (Мейксинс Вуд 2008). Проблема вовсе не в том, что капиталистический империализм США вдруг может откатиться к территориальному или докапиталистическому.

Для того чтобы описать дискуссию об империализме и гегемонии политических марксистов с Харви, Андерсоном и другими, включая с одной стороны более либерального М. Манна, а с другой — более ультралевых и постмодернистских М. Хардта и А. Негри необходима отдельная статья, но есть более короткий путь. Представьте на секунду, что капитализм стал уходить в прошлое, и мы в состоянии перехода к чему-то еще пока не выкристаллизовавшемуся до конца, но сам момент начала выхода из капитализма был пропущен, и происходящее продолжают описывать в его терминах. Такая ситуация вполне вероятна, если учесть, что переход от феодализма к капитализму занял несколько столетий. В таком случае незачем пытаться датировать кризис капитализма с точностью до десятилетий, будь то 1930-ми, 1970-ми годами или началом 2000-х годов. Историзация капитализма политическими марксистами помогает понять, что период отделения экономической сферы от политической и силовой (военной) был очень коротким и весьма исключительным и в терминах мировой истории вероятно быстро вернется к гораздо более типичному состоянию смешения указанных сфер. Как следствие на смену росту за счет инвестиций в повышение производительности придет более типичный неравномерный рост за счет различных форм внеэкономического извлечения излишков.

Литература

Андерсон П. (2018) *Перипетии гегемонии*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Андерсон П. (2010) *Родословная абсолютистского государства*. М.: Территория будущего.

Бессмертный Ю.Л. (1995) Рецензия на сборник «Переход от феодализма к капитализму». *Вопросы истории*, 12: 178–182.

Бреннер Р. (2014) *Экономика глобальной турбулентности: развитие капиталистических экономик в период от долгого бума до долгого спада, 1945–2005*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Бреннер Р. (2008) Что является империализмом и что им не является? *Прогнозис*, 2: 188–212.

Валлерстайн И. (2015) *Мир-система Модерна. Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.

Есть ли будущее у капитализма? (2016) Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер. с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара.

Звавич И. (1947) Добб М. Исследования по истории развития капитализма. *Вопросы истории*, 4: 131–134.

- Косминский Е.А. (1963) *Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков*. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Косминский Е.А. (1955) Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI–XV веках. *Вопросы истории*, 2: 44–60.
- Мейксинс Вуд Э. (2008) Логика власти: дискуссия с Дэвидом Харви. *Прогнозис*, 2: 163–187.
- Пикетти Т. (2015) *Капитал в XX веке*. Москва: Ад Маргинем Пресс.
- Поланьи К. (2001) Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*, 3(2): 62–73.
- Albritton R. (1993) Did Agrarian Capitalism Exist? *Journal of Peasant Studies*, 20(3): 419–441.
- Brenner R. (1976) Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe. *Past & Present*, 70: 30–75.
- Brenner R. (1982) The Agrarian Roots of European Capitalism. *Past & Present*, 97: 16–113.
- Brenner R. (1977) The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism. *New Left Review*, 104: 25–92
- Dobb M. (1946) *Studies in the Development of Capitalism*. N.Y.: International Publishers, 1946.
- Est li budushcheye u kapitalisma* [Does capitalism have a future?] (2016) Articles by I. Wallerstein, R. Collins, M. Mann, G. Derluigian, C. Calhoun. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute (in Russian).
- Le Roy Ladurie E. (1966) *Les paysans de Languedoc*, 2 vols. Paris.
- Meiksins Wood E. (1996) Capitalism, Merchants and Bourgeois Revolution: Reflections on the Brenner Debate and Its Sequel. *International Review of Social History*, 41: 209–232.
- Meiksins Wood E. (2002) *The Origing of Capitalism. A Longer View*. L.: Verso.
- Postan M.M. (1966) Medieval Agrarian Society in its Prime: England. In: Postan M.M. (ed.) *The Cambridge Economic History of Europe*, vol. I. Cambridge: Cambridge University Press.
- Takahashi H.K., Mins H.F. (1952) The Transition from Feudalism to Capitalism: A Contribution to the Sweezy-Dobb Controversy. *Science & Society*, 16(4): 313–345.
- Aston T.H., Philpin C.H.E. (eds.) (1987) *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*. N.Y.: Cambridge University Press.
- Sweezy P. et al. (1954) *The Transition from Feudalism to Capitalism: A Symposium*. N.Y.: Science & Society.
- Wallerstein I. (1976) From Feudalism to Capitalism: Transition or Transitions? *Social Forces*, 55(2): 273–283.
- Zmolek M. (2000) The Case for Agrarian Capitalism: A Response to Albritton. *The Journal of Peasant Studies*, 27: 138–159.

HISTORIZATION OF CAPITALISM BY POLITICAL MARXISTS

Dmitry Karasev (dk89@mail.ru)

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

Citation: Karasev D. Yu. (2018) Istorizatsiya kapitalizma politicheskim marksizmom [Historization of capitalism by political Marxists]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(5): 122–140 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.7>

Abstract. Ahistorical approach to capitalism leaves modern sociologists no chance to address the question about its future. Commercialization thesis borrowed from the economy is one of the sources of such approach. Following this thesis one can find evidences in favour of existence of would-be “proto-capitalism” even in ancient world (commodity exchange, market, money and even wage labour in some cases). Eventually, it leads to downplay the specific, novelty and emergent nature of the capitalism came into been in the early modern Europe. Thus, the discussion of the future of capitalism appears to forget virtually all historical determinants of emergence and existence of capitalism. It equals the conclusion that even if all necessary historical conditions of capitalism come to pass, it would still exist forever either in form of “informationalism”, “postcapitalism”, “imperialism”, “globalism” or whatever else “-isms”.

One of the solution to the problem is historization of capitalism or the return to debates on the transition from feudalism to capitalism generally forgotten by sociology despite the fact that the debates was not over. The first stages of the transitional debates of 1950–1960-s between such scholars as Dobb, Sweezy, Takahashi, Hilton, Hill, Trevor-Roper, Lefebvre, etc. were analyzed in Soviet historiography. However, it is not true for the following stages of the debates marked with the strong impact of political Marxists — first Brenner and then Meiksins Wood. Their contribution to the discussion can be summed up in following theses. Firstly, the emergence of capitalism in 17th century England was an exception rather than natural evolutionary principle shared by all Europe. Secondly, once established, capitalism could not independently emerged somewhere else in the second time, but only diffused from the country where it had initially appeared. Thirdly, the certain results of agrarian classes’ conflict were pre-conditions of the social-property system that restricted opportunities for surplus extraction through extra-economic means. Fourthly, industrial capitalism was preceded by agrarian capitalism; fifthly, necessary precondition of transition to capitalism was national market as imperative rather than as opportunity. Thus, capitalism became a unique system driven to improve the labour productivity by technical means.

Keywords: historical sociology, capitalism, feudalism, transitional debates, political Marxism, Robert Brenner, Ellen Meiksins Wood.

References

- Albritton R. (1993) Did Agrarian Capitalism Exist? *Journal of Peasant Studies*, 20(3): 419–441.
- Anderson P. (2010) *Rodoslovnaya absolyutistskogo gosudarstva* [Lineages of the Absolutist State]. Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).
- Anderson P. (2018) *Peripetii gegemonii* [The H-Word: The Peripeteia of Hegemony]. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara (in Russian).
- Aston T.H., Philpin C.H.E. (eds.) (1987) *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Bessmertnyy Yu.L. (1995) Recenziya na sbornik “Perekhod ot feodalizma k kapitalizmu”. *Voprosy istorii* [Question of history], 12: 178–182 (in Russian).
- Brenner R. (1976) Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe. *Past & Present*, 70: 30–75.
- Brenner R. (1977) The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism. *New Left Review*, 104: 25–92
- Brenner R. (1982) The Agrarian Roots of European Capitalism. *Past & Present*, 97: 16–113.
- Brenner R. (2008) Chto yavlyaetsya imperializmom i chto im ne yavlyaetsya? [What Is, and What Is Not, Imperialism?]. *Prognosis*, 2: 188–212 (in Russian).
- Brenner R. (2014) *Ekonomika global'noj turbulentnosti: razvitye kapitalisticheskie ekonomiki v period ot dolgogo buma do dolgogo spada, 1945–2005* [The Economics of Global Turbulence. The Advanced Capitalist Economies from Long Boom to Long Downturn, 1945–2005]. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).
- Dobb M. (1946) *Studies in the Development of Capitalism*. New York: International Publishers, 1946.
- Kosminskij E.A. (1955) Evolyuciya form feodal'noj renty v Anglii v XI–XV vekah. *Voprosy istorii* [Question of history], 2: 44–60 (in Russian).
- Kosminskij E.A. (1963) *Problemy anglijskogo feodalizma i istoriografii Srednih vekov*. Moscow: Izd-vo Acadimii nauk USSR (in Russian).
- Le Roy Ladurie E. (1966) *Les paysans de Languedoc*, 2 vols. Paris.
- Meiksins Wood E. (1996) Capitalism, Merchants and Bourgeois Revolution: Reflections on the Brenner Debate and Its Sequel. *International Review of Social History*, 41: 209–232.
- Meiksins Wood E. (2002) *The Origing of Capitalism. A Longer View*. London: Verso.
- Meiksins Wood E. (2008) Logiki vlasti: diskussiya s Devidom Harvi [Logics of Power: A Conversation with David Harvey]. *Prognosis*, 2: 163–187 (in Russian).
- Piketty T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in XXI century]. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Polanyi K. (2001) Ekonomika kak institucional'no oformlennyy process [The Economy as Instituted Process]. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology], 3(2): 62–73 (in Russian).
- Postan M.M. (1966) Medieval Agrarian Society in its Prime: England. In: Postan M.M. (ed.) *The Cambridge Economic History of Europe*, vol. I. Cambridge: Cambridge University Press.

Sweezy P. et al. (1954) *The Transition from Feudalism to Capitalism: A Symposium*. New York: Science & Society.

Takahashi H.K., Mins H.F. (1952) The Transition from Feudalism to Capitalism: A Contribution to the Sweezy-Dobb Controversy. *Science & Society*, 16(4): 313–345.

Wallerstein I. (1976) From Feudalism to Capitalism: Transition or Transitions? *Social Forces*, 55(2): 273–283.

Wallerstein I. (2015) *Mir-sistema Moderna. Tom. I. Kapitalisticheskoe sel'skoe hozyajstvo i istoki evropejskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century]. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke (in Russian).

Zmolek M. (2000) The Case for Agrarian Capitalism: A Response to Albritton. *The Journal of Peasant Studies*, 27: 138–159.

Zvavich I. (1947) Dobb M. Issledovaniya po istorii razvitiya kapitalizma [Dobb M. Studies in the Development of Capitalism]. *Voprosy istorii* [Question of history], 4: 131–134 (in Russian).